

ко существование Березовского поселения оказалось настолько длительным, что в процессе его развития вместе с другими предметами хозяйственного обихода претерпели существенные изменения и орудия труда. Так, для некоторых форм орудий удалось наметить общую тенденцию их развития и бытования, хотя иногда и не для всех этапов. Для кремневых серпов, например, наблюдается постепенное увеличение их числа. Следовательно, это позволяет считать, что постепенно количество подобных изделий нарастает. Обратная тенденция у пластин со скошенным краем, скребков и отщепов. Это возможно, свидетельствует о значительном сокращении кремневого производства уже на IV этапе. Еще больше сокращается в этот период производство изделий из рога и кости.

Изделия из меди в березовской коллекции представлены рыболовными крючками, иголкой с поломанным ушком и проушиным топором-молотом (рис. 5).

Что касается каменных орудий, то удалось проследить не только их количественное соотношение на некоторых этапах, но и отметить своеобразные формы и различие в материале, из которого изготовлялись орудия в разные периоды существования поселения. Так, боевые сверленные топоры и клевцы найдены только в ранних землянках (рис. 5, колонка 33). Плоские теслоподобные орудия бытовали с самого начала существования поселения до IV этапа включительно. Для V и VI этапов характерны массивные клиновидные орудия с прямоугольно-овальным сечением и сверление топоры ромбической формы. На IV этапе обнаружена недосверленная бу-

лава, а на VI — зооморфный скипетр (рис. 5, колонка 32). Петрографический анализ материалов, из которых изготовлены березовские каменные изделия, показал, что большая часть их из привозного камня². Сконцентрирована она в жилищах ранних этапов. На последующих — преобладают орудия из местного камня. При рассмотрении остальных березовских находок на фоне известных нам материалов из раннеземледельческих памятников Юго-Восточной Европы также оказалось, что большинство западных аналогий найдены на ранних этапах Березовского поселения. Затем, в процессе дальнейшего развития поселения материал приобретает местный, южнобугский облик. Вероятно, основными этапам Березовского поселения на Западе соответствовали:

I этапу Березовского поселения — Извоар II — 1-а, (и частично Извоар I — 2);

II этапу Березовского поселения — Извоар II — 1-б;

IV этапу Березовского поселения — Извоар II — 2.

Среди материалов VI этапа не обнаружены датирующие находки, но поскольку он следует непосредственно за IV этапом, который синхронен поселению Хэбшешть, относящемуся к этапу Кукутень А₃ по периодизации Вл. Думитреску, то заключительный этап Березовского поселения, может быть, относится ко времени этапа Кукутень А₄. Следовательно, начальный этап Среднего Триполья (В—I по периодизации Т. С. Пассек) следует расценивать соответственно основными этапам Березовского поселения на: В-1₁, В-1₂, В-1₃, и, возможно, даже В-1₄.

В. П. Цыбесков

² Искренне благодарю В. Ф. Петруня за анализ березовских каменных изделий.

ПОСЕЛЕНИЕ УСАТОВСКОГО ТИПА У с. МАЯКИ

Уже более 60 лет изучаются памятники усатовского типа, оставленные неолитическими позднетрипольскими племенами, обитавшими в III тыс. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье. Как известно, материальная культура и идеология этих племен столь своеобразны, что некоторые исследователи даже отстаивают существование особой усатовской культуры, не трипольской по происхождению, но многое позаимствовавшей у Триполья. Многие важные аспекты истории позднетрипольских обитателей Северного Причерноморья все еще остаются невыясненными главным образом потому, что наше представление о них складывается на основе изучения по-

гребальных памятников. Сейчас исследовано более 40 курганов, проведены раскопки нескольких грунтовых могильников. Но поселения, дающие массовый археологический материал, связанный с повседневной жизнью людей, изучены очень плохо. В этом отношении мало чем может помочь известное поселение Усатово — Большой Куяльник под Одессой, давшее название всей группе памятников, о которой идет речь. Почти вся полевая документация раскопок этого поселения утеряна во время войны, а большой и очень интересный материал, в первую очередь керамика, опубликован недостаточно полно. Очень не-

большие раскопки проведены на поселении в с. Фолтешти (Румыния)¹.

В пределах Одесской области и Молдавии (низовья Днестра) известны несколько пунктов с находками усатовской керамики, но поселения эти совершенно разрушены глубокой плантажной вспашкой².

Тем больший интерес представляет открытое в 1961 г. в низовьях Днестра позднетрипольское поселение усатовского типа у с. Маяки, Беляевского района, Одесской области³. Поселение расположено на юго-западной окраине села, на плато высокого (до 12 м) левого берега р. Днестр. Непосредственно к береговым обрывам примыкает заболоченная днестровская пойма (плавни). Берег расчленен слабо, лишь восточная часть поселения перерезана молодым овражком — нешироким и сравнительно неглубоким. Значительная часть поселения уничтожена оползнями и овражком, а сохранившаяся площадь (110×30 м) сильно повреждена военными траншеями.

За два года раскопок на поселении вскрыто около 500 м² (рис. 1). Наиболее важным итогом работ является открытие здесь древнего рва, некогда опоясывавшего поселение с южной (северной) стороны и примыкавшего на востоке к береговым обрывам. В древности длина рва была не менее 110 м, сейчас он прослеживается на протяжении 70 м. В среднем ширина рва — 5 м, местами он расширяется до 6—8 м. Глубина его в древности составляла 3,2 м. До глубины 2 м стенки рва плавно сужаются, а ниже этой отметки становятся почти вертикальными. Ширина рва в нижней его части не превышает 0,5 м (рис. 2). Сверху на глубину от 0,8 до 1,2 м ров заполнен светло-серым мелкоструктурным суглинком со значительной примесью пепла. Ниже ров заполнен серовато-желтым грунтом (смесь суглинки с материковым лессом), ближе ко дну почти неотличимым от материка. На разных участках рва, в 0,2—0,6 м выше его дна, отмечена тонкая прослойка чистого стерильного лесса (по-видимому, результат смыва).

Ров был засыпан еще в эпоху позднего триполья. На всю свою глубину он заполнен большим количеством костей животных и рыб, фрагментами типичной усатовской керамики, мелкими камнями. Из-

редка здесь встречаются орудия труда из камня, кости, а также поделки из глины. Значительных скоплений культурных остатков не обнаружено, развалы сосудов почти полностью отсутствуют, даже большие фрагменты керамики встречаются весьма редко. Сплошное и беспорядочное залегание культурных остатков во рву говорит о том, что он использовался в качестве свалки бытовых отходов. При исследовании рва на различных его глубинах встречены следы кострищ. Характер их пока не совсем ясен, так как ров исследован до дна лишь на небольшом участке. Ширина кострищ обычно совпадает с шириной рва, мощность колеблется от 0,2 до 0,6—0,8 м; самые большие достигают в длину 5—6 м. Залегают кострища на нескольких горизонтах, нижний из которых фиксируется всеми разрезами рва на глубине 0,7 м от дна, т. е. в том месте, где ширина рва не превышает 1 м. Пятна верхних кострищ отмечены на глубине 1,4—1,6 м.

Почва на участках, где вскрыты кострища, сильно обожжена, насыщена золой и угольками. Во всех кострищах обнаружено огромное количество рыбных костей и чешуи. Возможно, во рву время от времени разжигались костры, связанные с обработкой (копчением) рыбы. Копчение лучше всего было производить именно здесь на значительной глубине, где нет ветра и создается хорошая тяга. Не случайным поэтому представляется отсутствие кострищ в верхних горизонтах рва, окружавшего поселение.

Возникает вопрос о первоначальном назначении рва. Естественно предположить, что он, как и многие другие рвы, встречаемые на поселениях эпохи неолита—энеолита, был выкопан в целях обороны. Об этом как будто бы говорит его значительная глубина и специфический профиль (стенки, почти отвесные внизу, и очень узкое дно). Однако оборонительные рвы, как правило, отвечают рельефу местности, ограждая с южной стороны поселение, расположенное на узком мысу или окруженное оврагами⁴. В с. Маяки топографические условия совершенно иные. Поэтому возможны и другие предположения о назначении рва, в частности гипотеза о том, что ров был выкопан жителями по-

¹ M. Petrescu-Dâmbovita, J. Casan, C. Mateescu. Săpăturile arheologice dela Foltesti. SC IV, I, Bucuresti, 1951.

² А. И. Мелюкова. Отчет о работе отряда скифской археологии Молдавской экспедиции в 1958 г., Научный архив ИА АН СССР.

³ Поселение открыто Западно-Скифской экспедицией ИА АН СССР (начальник А. И. Мелюкова). Исследовалось в 1964—1965 гг. отрядом Среднеднестровской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством автора.

⁴ A. Florescu. Observatii asupra sistemului de fortificare al asezarilor cucuteniene din Moldova. "Arheologia Moldovei", IV, Bucuresti, 1966.

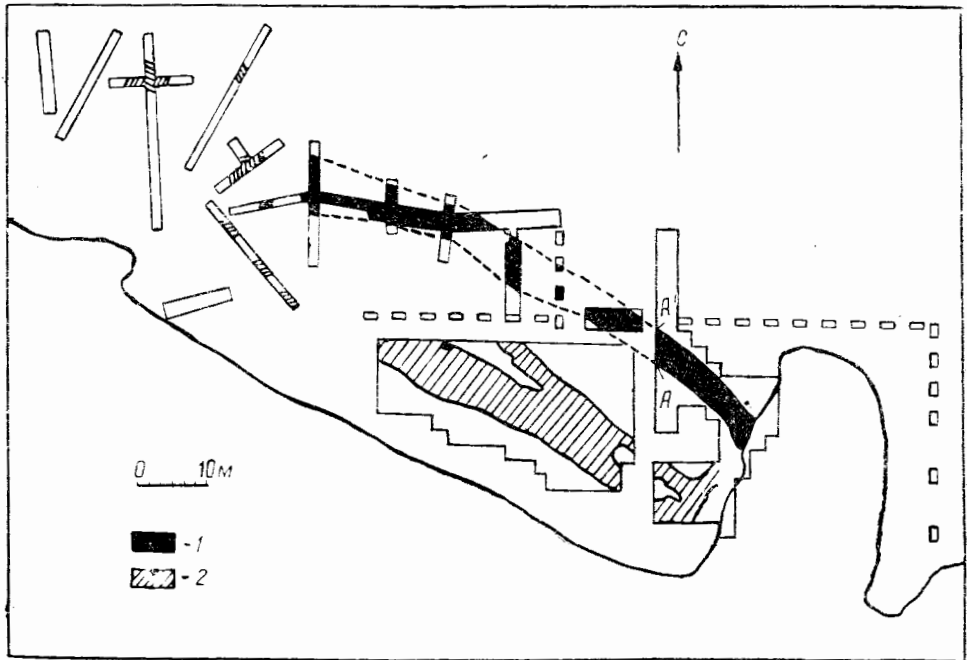
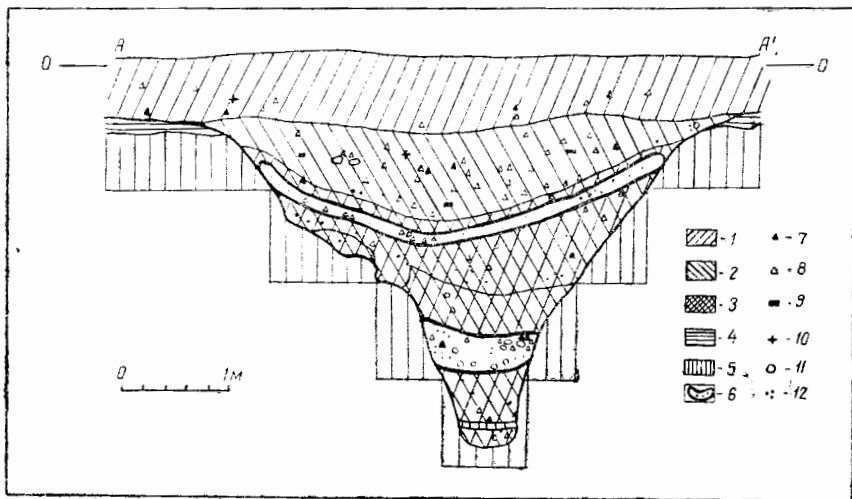

Рис. 1. План поселения

1 — исследованные участки рва; 2 — лята культурного слоя за пределами рва

Рис. 2. Разрез рва по линии А—А₁

1 — гумус; 2 — гумусированный суглинок с примесью пепла; 3 — желто-серый перемешанный грунт; 4 — светлый предматериковый суглинок; 5 — материковый лесс; 6 — кострища; 7 — керамика; 8 — кости; 9 — камень; 10 — кремнь; 11 — печина; 12 — угольки

селения для защиты скота от диких животных⁵.

Вопрос о жилищах Маяцкого поселения пока остается открытым. Можно лишь с уверенностью говорить о том, что здесь не было долговременных наземных жилищ типа трипольских площадок. Не найдено остатков глинобитных стен и полов, каменных вымосток. За пределами рва с напольной стороны выходов культурного слоя не обнаружено, а значительная часть поселения, как уже говорилось, разрушена оползнями. Следовательно, углубленные жилища, если они сохранились, следует искать на небольшом участке шириной до 30 м, тем более, что шурфовка показывает здесь наличие культурного слоя, залегающего отдельными пятнами. Дальнейшие раскопки покажут, имеем ли мы здесь дело с жилищами или какими-либо другими объектами.

Во время раскопок получен большой вещественный материал, который значительно дополняет наши сведения о материальной культуре, хозяйстве и идеологии трипольцев — обитателей степи. Вкратце остановимся на основных категориях находок. На поселении встречено не более двух десятков кремневых орудий труда, исходным материалом для которых служил галечниковый кремль очень низкого качества. Последнее обстоятельство объясняет наличие здесь большого количества отходов кремнеобрабатывающего производства — отщепов, осколков, чешуек и т. д. Найдено несколько небольших конических нуклеусов и нуклеидных обломков, отжимников или ретушеров (рис. 4, 8), скребков концевого типа на небольших отщепках, пластинок со скошенным концом. Встречено также несколько узких ножевидных пластинок, края которых, иногда обработанные ретушью, имеют следы зашлифовки со стороны спинки и брюшка (рис. 4, 5). По мнению исследователей, эти пластинки являются вкладышами составных серпов.

Особый интерес вызывает находка трех микролитических изделий геометрической формы — трапеций (рис. 4, 9, 10). Ранее трапеции встречались изредка лишь при погребениях усатовского типа (курганы П-3 и I-12 в с. Усатово, II грунтовой могильник в этом же селе), что позволяло исследователям (Е. Ф. Лагодовская, Э. Ф. Патокова) придавать им не производственное, а ритуальное значение. Находка в с. Маяки свидетельствует о том, что жители поселения использовали микролиты в

качестве составных частей вкладышевых орудий.

Следует отметить также находку целого наконечника дротика треугольной формы с небольшой выемкой в основании, сделанного из прозрачного серого кремня. Поверхность его с двух сторон обработана струйчатой ретушью, края дополнительно оформлены мелкой отжимной ретушью.

Каменные изделия представлены небольшими обломками зернотерок и обухомовой частью топора-молота с отверстием для рукоятки, изготовленного из серого камня кристаллической породы.

При раскопках поселения в с. Маяки была собрана довольно значительная коллекция орудий труда из кости. Преобладают шилья и проколки размерами от 5 до 12 см, изготовленные из обломков трубчатых и диафизарных костей овцы — козы. Очевидно, небольшие шилья использовались, будучи вставленными в деревянную или роговую обойму. Несколько экземпляров в нижней своей части имеют выемки для привязывания к рукоятке. В качестве лошад использовались костяные орудия в виде лопаточки с заточенным под углом асимметричным лезвием, всегда заметно заглаженным. Противоположный конец орудия зашлифован для удобства работы. Длина этих изделий 5—6 см.

Орудий из рога оленя немного. Это прежде всего мотыжки двух типов (с продольной и поперечной постановкой рабочего конца относительно отверстия для рукоятки), клевец (рис. 4, 1, 3), копалки. Украшения представлены подвеской из клыка лисицы и большой подвеской из отростка рога оленя, покрытой врезным орнаментом — насечками, зигзагом, елочкой (рис. 4, 4).

Металлических орудий труда или украшений на поселении пока не встречено.

Большую часть находок на поселении составляет глиняная посуда (всего около 10 тыс. фрагментов). К сожалению, из-за крайней фрагментарности керамики были реставрированы или реконструированы графически лишь очень немногие сосуды. По технологическим признакам, керамика Маяцкого поселения делится на несколько групп⁶.

В количественном отношении резко преобладает так называемая кухонная посуда, составляющая 83% всего керамического комплекса поселения. Она изготовлена из глины со значительной примесью толченой ракушки. Слегка подлощенная поверхность сосудов в зависимости от температуры об-

⁵ Так, в частности, Т. С. Пассек объясняет назначение рва, обнаруженного на трипольском поселении Полливанов Яр, см. Т. С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, № 84, М., 1961, стр. 133.

⁶ В. Г. Збенович. Керамика усатовского типа. Археология, т. XXI, К., 1968, стр. 50—77.

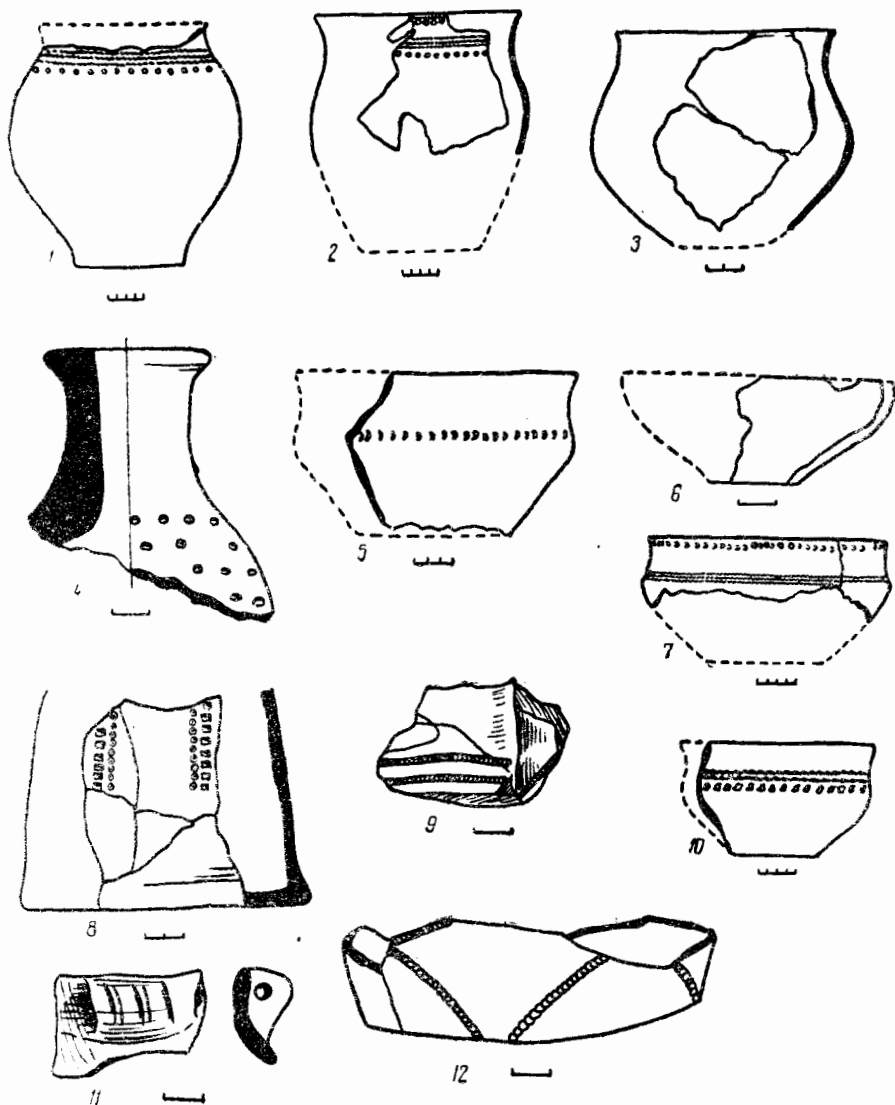

Рис. 3. Керамика поселения

жизни бывает черного, серовато-черного, серого или розовато-коричневого цвета. Вся посуда плоскодонная, причем очень часто на дне сосуда есть отпечатки циновки грубого плетения. Часто встречаются горшки разных типов (рис. 3, 1—3): округлотелье; приземистые с выпуклыми боками; вытянутых пропорций; со слабо выраженными плечиками и т. д. Некоторые горшки имеют пару налепных ручек на тулове или под краем венчика. Весьма распространены широкие миски с высокой прямой шейкой (край венчика слегка отогнут), у основания которой профиль сосуда резко перегибнут, образуя ребро (рис. 3, 5, 7). До-

вольно часто встречаются также полусферические чаши с плавно закругленными боками и краем, слегка загнутым внутрь. Весьма специфичны так называемые педилки — сосуды, напоминающие по форме бутылку с высокой шейкой, массивным, отогнутым наружу и уплощенным краем венчика. Стенки таких педилок сплошь покрыты небольшими сквозными отверстиями, а дно, по-видимому отсутствует (рис. 3, 4).

Почти вся посуда этой группы орнаментирована под краем венчика или на переходе от шейки к плечикам. Преобладает штамповый орнамент, причем в качестве штампа применялась деревянная палочка,

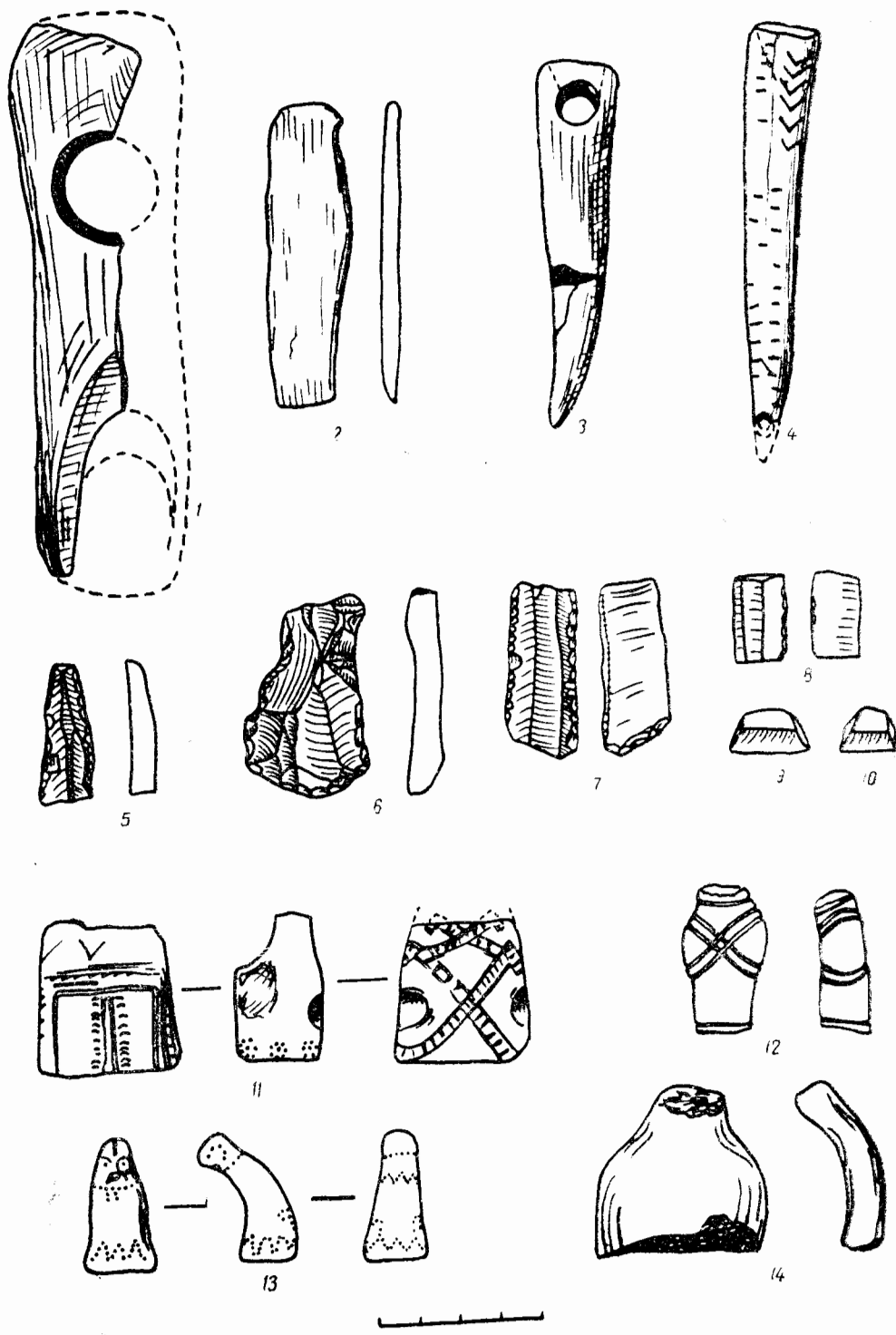

Рис. 4. Изделия из кости, рога, кремня. Культовые статуэтки из глины

поставленная прямо или под углом. В зависимости от того, как был оформлен конец штампа, его оттиски бывают треугольными, овальными, прямоугольными (часто с рваным краем), дуновидными и т. д. Иногда орнамент наносился концом узкой трубочки.

Около 42% всей орнаментированной кухонной керамики украшено шнуром — простым или реже перевитым. Отпечатки шнура (1—3), как правило, опоясывают основание шейки сосуда. Ниже свисают короткие отрезки шнура — прямые («гусенички») или изогнутые («серпички»). Часто шнуровой орнамент сочетается со штамповым. Очень редко встречается керамика с пальцевыми защипами, врезными линиями и т. д.

Около 11% всей керамики, найденной при раскопках в с. Маяки, составляет посуда, изготовленная из тщательно промешанной глины с примесью мелкого песка. Фрагменты этих сосудов очень плотные, звонкие. Поверхность их великолепно обработана, залощена внутри и снаружи, часто заполирована до блеска. Цвет черепка черный, сероватый, светло-коричневый. Выделяются следующие формы: уже упоминавшиеся миски с резким перегибом профиля (рис. 3, 10), полусферические чаши, маленькие амфорки с двумя ручками, небольшие горшки. Весьма специфичны сосуды с цилиндрическими или даже наклоненными внутрь стенками (рис. 3, 8, 12). Очевидно, здесь мы имеем дело с большими сосудами типа банок или кубков. Представляет интерес небольшой сосуд (сохранилась его нижняя часть), квадратный или прямоугольный в плане, с резко выделенными гранями (рис. 3, 9). На стенках этих сосудов встречаются небольшие уплощенные или округлые в сечении ручки. Весьма интересен фрагмент венчика сосуда, под краем которого помещена округлая удлиненная ручка с узким горизонтальным отверстием, расчлененная вертикальными канцелюрами.

Орнамент посуды этой группы сходен с орнаментом кухонной керамики, хотя здесь преобладает шнур. Особенно часто встречается узор в виде вертикальных (двойных и тройных) оттисков тонкого шнура. Иногда орнамент заполнен белой пастой. Около 6% найденных керамических фрагментов составляет обычная позднетрипольская столосая керамика из отмученной глины. Поверхность сосудов, часто ангобированная и залощенная, имеет красноватый, розовый, светло-коричневый оттенок. Эта группа посуды, хорошо известная по многочисленным публикациям, в с. Маяки представлена фрагментами горшков разных типов, округлых амфор с двумя ручками, кувшинов. Наиболее распростра-

ненной формой являются полусферические миски. Посуда из отмученной глины расписана темно-коричневой (черной) и красной красками. Основные мотивы росписи — сходящиеся под углом отрезки дент, овалы, треугольники, фестоны, зигзаг, косая сетка.

Кроме посуды, на поселении обнаружены глиняные изделия культового характера — антропоморфные статуэтки (рис. 4, 11—14). Преобладают крайне стилизованные изображения, аналогичные найденным на поселении и в могильниках с. Усатово — Большой Куяльник. Нижняя часть статуэток представляет собой кубический постамент, из которого как бы вырастает наклоненная вперед длинная шея, обычно заканчивающаяся плоской или чуть выпуклой головкой. Кубический постамент, передающий туловище статуэтки, обычно не моделирован, лишь на двух экземплярах при помощи защипов со стороны спины подчеркнуты бедра. Верхняя часть статуэтки овальная в сечении, и лишь на одном экземпляре она уплощена, образуя тонкие и широкие плечи фигурки. Грудь, обозначенная на некоторых фигурках с поселений Усатово и Фолтешти, позволяет считать все изображения этого рода женскими статуэтками. Обычно нижняя часть фигурки (постамент) украшена со всех сторон врезанными параллельными линиями, насечками, зигзагом, точечными наколами. Интересна совершенно целая статуэтка (высота ее 3,5 см) с хорошо различимыми чертами лица (глаза, нос, уши), обозначенными точечными вдавлениями, и профилированной фигуркой (щипком обозначены бедра). Точечный орнамент заметен на шее, груди, спине, бедрах. Очевидно, статуэтка изображает женщину в нарядном (возможно, расшитом) платье, с ожерельем на шее (рис. 4, 13). Культовое значение статуэток подчеркивают нанесенные на них изображения, передававшие в древности определенную символику, в частности так называемый «ромб с крючками» (одна из его вариаций — косой крест с загнутыми верхними концами) или целая цепочка таких ромбов (рис. 4, 11). Символы эти связаны с культом плодородия, означая одновременно землю, растение, женщину, в зависимости от их места в разных композициях. Цепочка ромбов с крючками означает, например, древо жизни¹.

Кроме указанных выше статуэток, в с. Маяки найдены две фигурки с плоским, слегка изогнутым торсом, обломанные снизу и сверху. Одна из них орнаментирована двойной углубленной линией, опоясывающей торс крест-накрест. Орнамент заполнен белой пастой.

Со стилизованными антропоморфными

¹ А. К. Амброз. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). СА, 1963, № 3, стр. 14—27.

изображениями, несомненно, связаны глиняные кубики, которые до сих пор были известны лишь на поселении Усатово — Большой Куяльник. Они всегда украшены штампом по двум смежным граням⁸. В с. Маяки найдено два таких кубика, причем один из них выделяется своими размерами (высота его 7 см). Он украшен параллельными и пересекающимися рядами отпечатков зубчатого штампа. Можно предположить, что изделия эти служили подставками для статуэток и стояли вместе с ними в жилищах или в специальных культовых местах.

За два года раскопок на Маяцком поселении собрана богатая коллекция фауны — более 12 тыс. костей⁹. Большой остеологический материал является объективным свидетельством, указывающим на важную роль скотоводства в хозяйстве древних обитателей поселения. О соотношении различных видов домашних животных говорит приводимая ниже таблица.

Таблица 1

Виды животных	По количеству костей		По числу особей	
	абс.	%	абс.	%
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	1501	12,7	91	18,2
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis aries</i> ; <i>Capra hircus</i>)	8985	76,2	340	68
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	1304	11,1	69	13,8
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	159	—	40	—

Судя по количеству костей и особей, первое место в стаде занимал мелкий рогатый скот, причем овца преобладала (заключение В. И. Бибиковой). Кости овец обычно разбиты на мелкие куски, расколоты, следовательно, мясо овец шло в пищу, но живой вес их невелик, поэтому овны разводились, главным образом, для получения шерсти. Не меньшее значение имел крупный рогатый скот, дававший основное количество мяса и молока и применявшийся в качестве тягловой силы. По количеству костей (и особей) он занимает второе место после овцы. Третье место занимал конь, несомненно, уже одомашненный. Обращает на себя внимание тот факт, что на Маяцком поселении не найдены кости домашней свиньи. Причины этого следует искать в природных условиях и способе ведения хозяйства, связанного, очевидно, со спорадическими перегонами скота с места на место (отгонное или полукочевое скотоводство).

Косвенными доказательствами наличия земледелия у жителей поселения Маяки служат роговые мотыги, зернотерки, вкладыши для серпов, найденные при раскопках. По-видимому, под пашню использовались не тяжелые черноземные почвы длинной степи, а участки земли, более или менее легко поддающиеся обработке — речные террасы, поймы и т. д. В данном случае земледелие несомненно играло второстепенную роль по отношению к скотоводству — ведущей отрасли общественного производства.

Охота в экономике жителей поселения имела подсобное значение, так как основная часть употреблявшегося в пищу мяса давала стадо. Тем не менее, при раскопках в с. Маяки найдено значительное количество костей крупных диких животных, принадлежавших довольно большому числу особей (см. таблицы 2 и 3).

Таблица 2

Дикие животные поселения Маяки

Виды животных	К-во костей		К-во особей	
	абс.	%	абс.	%
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	36		6	
Олень благородный (<i>Cervus elaphus</i>)	198		31	
Кабан (<i>Sus scrofa ferus</i>)	14		7	
Дикий осел (<i>Equus hydruntinus</i>)	117		20	
Тигр (<i>Felis leo</i>)	9		3	
Рысь (<i>Lynx lynx</i>)	3		1	
Степная кошка (<i>Felis oncatata</i>)	1		1	
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	31		15	
Корсак (<i>Vulpes corsak</i>)	2		1	
Хорек (<i>Putorius Sp.</i>)	1		1	
Мелкие куны (ласка или горностай) (<i>Mustella Sp.</i>)	1		1	
Заяц (<i>Lepus Sp.</i>)	17		10	
Птицы (дрофа, стрепет, серый журавль, орел-бвпильник, ястреб-стервятник, сарыч, гусь, утки, лысуха, грач)	33		18	
Черныш болотная	85		23	
Всего	548		138	

Таблица 3

Соотношение домашних и диких животных на поселении Маяки

Животные	По количеству костей		По числу особей	
	абс.	%	абс.	%
Домашние	11949	96,5	540	84,8
Дикие	430	3,5	97	15,2

⁸ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника. Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. I, Одесса, 1957, стр. 31, тб. I.

⁹ Фауна поселения определена канд. биологических наук В. И. Бибиковой.

Большой научный интерес имеет открытие на Маяцком поселении значительного количества костей плейстоценового ослы — типичного обитателя сухих открытых просторов, который, как недавно считали специалисты, вымер еще в эпоху мезолита. В последние годы его остеологические остатки были найдены в некоторых неолитических памятниках Венгрии и Румынии. Однако сведения о доживании плейстоценового ослы до эпохи неолита нуждаются в дальнейшем подтверждении.

О занятиях жителей поселения рыболовством свидетельствует огромное количество костей мелких и больших рыб, прежде всего сома, судака, осетра, сазана и др.¹⁰. Лов проходил не только на Днестре, но и в лимане, расположенном в 12—15 км от поселения. Сезонный характер имел и сбор моллюсков, раковины которых в большом количестве встречены на поселении. В пищу шли пресноводные, лиманные и морские моллюски¹¹. Не вызывает сомнения подсобный характер рыболовства и собирательства.

Анализ материалов, полученных при раскопках поселения Маяки, позволяет определить его место среди уже известных памятников усатовского типа в Северо-Западном Причерноморье. Существуют значительные различия в керамических комплексах поселений Маяки и Усатово — Большой Куяльник¹². Так, столовая расписная посуда составляет 6% всей керамики, найденной в Маяках (против 18% в Усатово), а посуда с лащенной, заполированной поверхностью — 10,9% (против 1,4% в Усатово). Большая часть кухонной посуды Усатовского поселения украшена шнуром, а для аналогичной керамики, найденной в с. Маяки, более характерен штамповый орнамент. Имеются определенные различия в пластике и производственном инвентаре. Различия эти носят не локальный (расстояние между двумя поселениями невелико), а хронологический характер. Уменьшение количества расписной столовой посуды в поселении с. Маяки явно указывает на более поздний возраст описываемого памятника по сравнению с Усатовским поселением и, следовательно, курганами с. Усатово, а также основной группой курганов Нижнего Днестра (Парканы, Тудоров, Сукля и др.). С другой стороны, поселение в Маяках, очевидно, несколько стар-

ше поселения в Фолтештах, где расписной посуды почти нет¹³. Абсолютная дата Маяцкого поселения, исходя из его относительной хронологии среди памятников усатовского типа, в целом датируемых второй половиной III тыс. до н. э., может быть определена последней третью III тыс. до н. э. В какой-то мере подтверждает ее радиоуглеродная дата — 2390 ± 65 г. до н. э. — полученная при анализе угля из кострища во рву¹⁴.

Одним из важнейших вопросов исторического характера, возникших в связи с материалами раскопок в с. Маяки, является вопрос о связях усатовских племен с их западными соседями, обитавшими в Нижнем Подунавье и на Балканах¹⁵. Внешним выражением этих связей служит появление в керамическом комплексе Маяцкого поселения описанной выше высококачественной керамики с лащенной полированной поверхностью. Посуда эта совершенно чужда Триполью и синхронным ему культурам к востоку от Дуная, зато она вполне типична для энеолитических культур бассейна Дуная и Балканского полуострова, в частности, для культуры Гумельница. Последнюю во 2-й половине III тыс. до н. э. сменяет культура Чернавода¹⁶, носители которой распространились на территорию Добруджи, подойдя к низовьям Дуная. Именно в результате непосредственных контактов и обменов связей между усатовцами и носителями культуры Чернавода в Северо-Западном Причерноморье попадает новая оригинальная по технологии и формам посуда — широкооткрытые миски с резким перегибом профиля, кубки; прямоугольные в плане сосудики, сосуды с ручками, расчлененными каннелюрами и т. д. Возникает и местное изготовление новых форм посуды, но часто в старой технологической традиции — с примесью ракушки в тесте. Материалы раскопок в с. Маяки показывают, что влияние носителей культуры Чернавода на своих восточных соседей усиливалось со временем, по мере постепенного продвижения последних на запад.

Дальнейшие раскопки в с. Маяки, несомненно, усилят нашу базу источниковедения и будут способствовать более конкретному изучению истории энеолитического населения Северо-Западного Причерноморья.

В. Г. Збенович

¹⁰ Определение канд. биологических наук Л. Д. Житневой.

¹¹ Определение канд. биологических наук А. Л. Пути.

¹² В. Г. Збенович. Керамика усатовского типа. Археология, т. XXI, К., 1968, стр. 50—77.

¹³ M. Petrescu-Dâmbovita, J. Casan, C. Mateescu. Săpăturile arheologice dela Foltesti, SCIV, № 1, 1951, стр. 257.

¹⁴ Анализ радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР.

¹⁵ В. Г. Збенович. До питання про історичні зв'язки Північного Причорномор'я в III тис. до н. е. УІЖ, 1967, № 3, стр. 100—103.

¹⁶ D. Bergiu. Quelques données préliminaires concernant la civilisation de Cernavoda. Slovenska arheologia, XII—I, Bratislava, 1964, с. 270—279.